

Хэ Чжу поправил очки.

— Господин Цзян, я просто хотел напомнить вам об экономии воды. Вы, кажется, что-то неправильно поняли?

— Да, я тоже видел, — вставил слово Ван Ляюань. — Разве господин Хэ мог применить грубую силу?

Цзян Юйнин вышел из себя, подскочил к оператору.

— Быстро прокрути только что снятое! Идите сюда, смотрите, он явно искал повод для ссоры!

Наконец-то появился сочный сюжет!

Все быстро собрались вокруг.

Профессиональная камера — это круто, даже каждый волосок виден отчётливо.

На экране было видно, как Цзян Юйнин нехотя моет овощи, время от времени оглядываясь на Янь Жунцю, в то время как вода из-под крана течёт ручьём, уже переливаясь через край раковины, а он этого не замечает.

Затем к нему уверенной походкой подошла чёрная фигура — Хэ Чжу. Он вполне вежливо поднял руку и мягко опустил её на спину Цзян Юйнина.

Действительно, самое обычное действие, если не считать, что запястье на мгновение замерло в воздухе в неестественно прямом положении.

В следующее мгновение Цзян Юйнин взорвался, словно псу наступили на хвост.

Все присутствующие:

— О-о-о...

Кан Цзянь строго посмотрел на Цзян Юйнина.

— У артистов большое давление, главное — как ты с ним справляешься. Если действительно дойдёт до психических проблем, будет уже поздно.

Цзян Юйнин остолбенел.

Потрясающе, просто охрененно! Спина до сих пор горит огнём, разве это может быть иллюзией? Неужели этот тип — реинкарнация Чжан Уцзи?

Янь Жунцю вздохнул, подошёл к Хэ Чжу, указал на Цзян Юйнина, а затем на свой висок, давая понять, что у того не всё в порядке с головой.

Хэ Чжу усмехнулся. Его смех сам по себе был точной веерной диаграммой, выразившей три доли досады, три доли обиды и четыре доли трогательной жалости.

— Господин Янь, главное, чтобы вы мне верили.

Когда он был в Америке, его как-то по знакомству представили мастеру боевых искусств китайского происхождения. Он полнедели прозанимался у него, и теперь, попробовав,

оказалось, что навыки никуда не делись.

Рядом несколько сотрудников съёмочной группы всё ещё толпились у камеры, оживлённо обсуждая произошедшее.

— Вау, скажу вам, ассистент господина Яня довольно симпатичный, если не смотреть на лицо в анфас.

— Я тоже так думаю. Рядом с Цзян Юйнином контраст просто разительный: длинные руки и ноги, линия талии тоже значительно выше.

— Жестоко. Я раньше считал, что у Цзян Юйнина идеальное тело, а теперь вижу — просто втопан в грязь...

— А вы заметили? — одна из сотрудниц понизила голос таинственным шёпотом. — Он на самом деле и лицом ничего, если смотреть на нижнюю часть лица, даже возникает приятное ощущение.

— Поддерживаю! Я ещё тогда, когда он в шлеме был, так подумала!

— Эх, как жаль, эти очки напрочь портят половину лица.

— Точно...

— Я тоже так думаю...

— После ваших слов мне так захотелось посмотреть, как он выглядит без очков.

Предыдущие разговоры долетели до ушей Янь Жунцю, но он не обратил на них внимания. Но услышав эту последнюю фразу, он невольно задумался.

Из-за этих чёрных очков в толстой оправе он, кажется, тоже никогда не видел всего лица Хэ Чжу.

Он поднял голову и инстинктивно взглянул на Хэ Чжу.

Заметив его взгляд, Хэ Чжу быстро отвернулся и поправил очки.

С тех пор как Хэ Чжу устроился на работу, он всегда смотрел на него прямо, никогда раньше так намеренно не отводил взгляд. Янь Жунцю вдруг показалось это странным, и, немного подумав, он смутно понял причину.

Вот оно что.

Не только из-за зрения. Должно быть, он считает, что область вокруг глаз у него некрасивая, или там есть шрам, родимое пятно или что-то подобное, поэтому и носит такие массивные чёрные очки, чтобы скрыть это.

Такое чувство Янь Жунцю хорошо понимал. В детстве у него была большая, пухлая голова. Большая — ещё куда ни шло, но она была ещё и лысой, редкие желтоватые волосы не могли скрыть лоб, и он был похож на Миньона из «Гадкого я».

Помнится, когда он впервые официально присутствовал на светском вечере семьи Хэ, Хэ Цингэн в шутку сказал Хэ Сюню: «Этот юный господин — твой жених, помни, нужно как

следует принимать гостей». В результате Хэ Сюнь тут же громко разревелся.

— Не хочу! Дедушка, этот лысый такой страшный! Просто урод!

Взрослые рассмеялись, наверное, им показалось забавным такое поведение детей. Но Янь Жунцю было действительно очень обидно.

Раньше он никогда не обращал внимания на свою внешность, и всегда считал себя старательным и послушным хорошим мальчиком — дедушка тоже так говорил. Но почему же тогда хорошего мальчика высмеяли на глазах у всех?

И разве он виноват, что лысый? Он же не специально стал лысым!

Янь Жунцю знал, что в такой ситуации нельзя ставить обе семьи в неловкое положение. Поэтому он сделал вид, что ему всё равно, и, пока старшие не видели, убежал один и спрятался в огромном дворе дома Хэ, чтобы в одиночестве утереть слёзы.

Он редко плакал, а если плакал, то старался не издавать ни звука, стискивая зубы и глотая рыдания, боясь, что услышат и ему будет ещё более стыдно.

Плача, он вдруг почувствовал, как с большого дерева, к которому он прислонился спиной, неожиданно прыгнул мальчик, сильно его напугав.

В тот момент Янь Жунцю был ещё полон обиды и инстинктивно решил, что этот мальчик тоже пришёл посмеяться над ним, поэтому даже смотреть на него не захотел. Грозно толкнув его, он убежал, не оглядываясь.

Теперь, вспоминая, он думал, что тот мальчик был совершенно ни в чём не виноват, ему тоже досталось. Хотя он был заметно выше его самого, но телосложение было вполнину худее — Янь Жунцю тогда свалил его с ног одним толчком.

С того дня и долгое время после Янь Жунцю упорно носил кепку, и как бы его ни уговаривали, отказывался её снимать.

— Я понимаю тебя, — Янь Жунцю серьёзно указал на область вокруг своих глаз. — Очки.

Хэ Чжу промычал:

— Угу.

Почему-то его голос прозвучал немного напряжённо.

За окном последний луч света скрылся за линией горизонта, небо окончательно потемнело.

С тех пор как Цзян Юйнин попал в индустрию развлечений, благодаря поддержке своего отца и продюсерской компании, его карьера шла как по маслу. Люди вокруг либо восхищались им, либо потакали, угождали и лелеяли его. Он никогда не сталкивался с таким унижительным позором, как сегодня, и временно был просто не в силах успокоиться, запершись в своей комнате и категорически отказываясь продолжать съёмки.

Съёмочной группе тоже было непросто. С любым другим можно было бы заставить его извиниться перед Цзян Юйнином, пойти на уступки. Но Хэ Чжу — ассистент Янь Жунцю, и, как говорится, «бьешь собаку — смотри на хозяина». Тем более, Хэ Чжу не сделал ничего плохого, всё засняла камера, это Цзян Юйнин внезапно взбесился.

К счастью, в этот момент Кан Цзянь взял на себя руководство ситуацией. Сначала он пригласил режиссёра, который отбирал материал в рабочей комнате, и попросил его вместе с помощниками успокоить Цзян Юйнина. Затем он предложил заместителю режиссёра, отвечающему за съёмочный процесс на площадке, просто вырезать сцены с участием Цзян Юйнина в кулинарной части, а в пост-продакшене добавить какую-нибудь шутливую фразу вроде: «Ваш кулинарный гений случайно поранился во время нарезки», и таким образом кое-как выкрутиться.

В итоге теперь сложилась ситуация один против двоих.

Янь Жунцю привык сражаться в одиночку, ему было всё равно, есть ли напарник, особенно если этот напарник не совсем в себе. Он полностью сосредоточился, держа в руке кухонный нож, и принялся яростно рубить продукты на разделочной доске с громким стуком.

Съёмочная группа быстро скорректировала положение камер.

Крупный план — на экране, постепенно приближаясь, полностью показал фигуру Янь Жунцю.

Весь персонал:

— Вау...

Сосредоточенный господин Янь — это так круто!

Он слегка склонил голову, и хотя поза была согнутой, весь он был прямым и стройным, как сосна. Внешние уголки глаз были удлинёнными, густые брови, сходящиеся на висках, были слегка нахмурены, отчего взгляд казался особенно сосредоточенным и острым. Тонкие губы были плотно сжаты в прямую линию, выражая холодную и решительную твердость.

— Я бы смог, — вздохнула одна из сотрудниц, прижав руку к груди.

— Раз старшая сестра может, то и младшая сестра тоже может.

— Займитесь лучше работой, — заместитель режиссёра свернул сценарий в трубочку и стукнул им каждого по очереди. — Целый день только и знаете, что «я могу», да кто вам разрешил!

Прошло четверть часа. Господин Янь продолжал упорно сражаться.

В работе Янь Жунцю был сверхперфекционистом, особенно в отношении точного форматирования документов, писем и презентаций, проявляя необычайную дотошность. Когда-то он с первого взгляда отметил резюме Хэ Чжу во многом именно потому, что шрифты, вёрстка и даже межстрочные интервалы в нём были идеальны, почти как произведение искусства.

<http://bllate.org/book/15591/1389649>